

Николай Степанович Гумилёв (1886 - 1921)

акмеизм

Акмеизм (кларизм, адамизм)

- Символизм в 1910 г. изживает свои возможности. А. Блок пишет в дневнике: «Никаких символизмов больше» (т.е. собраний, кружков, встреч).
- В журнале «Аполлон» (пушкинское крыло символизма) печатается статья Кузьмина о кларизме («О прекрасной ясности»). Споря с символистской теорией искусства, Кузмин выдвинул тезис рациональной продуманности произведений - «кларизм», в противовес мистически интуитивному постижению мира через ряд символов и соответствий.

Н. С. Гумилёв. Заблудившийся трамвай

- Важно, что это баллада (страшный, динамический сюжет) и элегия (ритм, ямб 4-стопный, рифмовка перекрестная АВАВ)
- Писатель работал над «Заблудившимся трамваем» на протяжении 1919 года. Наконец, через два года, в 1921-м, произведение вышло в «Огненном столпе» (сборник) - видном литературном журнале того времени.
- Баллада - жанр, возникший "из любви поэта к таинственному и чудесному", поэтому изначально баллада близка тематике "хоррора". Традиционно этот жанр определяется как лиро-эпико-драматический, источниками которого являются устное народное творчество, мифологический и героический эпос и др.

- Шёл я по улице незнакомой
- И вдруг услышал вороний грай,
- И звоны лютни, и дальние громы,
- Передо мною летел трамвай.

- Как я вскочил на его подножку,
- Было загадкою для меня,
- В воздухе огненную дорожку
- Он оставлял и при свете дня.

- Мчался он бурей тёмной, крылатой,
- Он заблудился в бездне времён...
- Остановите, вагоновожатый,
- Остановите сейчас вагон!

- Поздно. Уж мы обогнули стену,
- Мы проскочили сквозь рощу пальм,
- Через Неву, через Нил и Сену
- Мы прогремели по трём мостам.

- И, промелькнув у оконной рамы,
- Бросил нам вслед пыливый взгляд
- Нищий старик, - конечно, тот самый,
- Что умер в Бейруте год назад.

- Где я? Так томно и так тревожно
- Сердце моё стучит в ответ:
- «Видишь вокзал, на котором можно
- В Индию Духа купить билет?»

- Вывеска... кровью налитые буквы
- Гласят: «Зеленая», - знаю, тут
- Вместо капусты и вместо брюквы
- Мёртвые головы продают.

- В красной рубашке с лицом, как вымя,
- Голову срезал палач и мне,
- Она лежала вместе с другими
- Здесь в ящике скользком, на самом дне.

- А в переулке забор дощатый,
- Дом в три окна и серый газон...
- Остановите, вагоновожатый,
- Остановите сейчас вагон!

- Машенька, ты здесь жила и пела,
- Мне, жениху, ковёр ткала,
- Где же теперь твой голос и тело,
- Может ли быть, что ты умерла?

- Как ты стонала в своей светлице,
- Я же с напудренной косой
- Шёл представляться Императрице
- И не увиделся вновь с тобой.

- Понял теперь я: наша свобода
- Только оттуда бьющий свет,
- Люди и тени стоят у входа
- В зоологический сад планет.

- И сразу ветер знакомый и сладкий
- И за мостом летит на меня,
- Всадника длань в железной перчатке
- И два копыта его коня.

- Верной твердынею православья
  - Врезан Исакий в вышине,
  - Там отслужу молебен о здравьи
  - Машеньки и панихиду по мне.
-
- И всё ж навеки сердце угрюмо,
  - И трудно дышать, и больно жить...
  - Машенька, я никогда не думал,
  - Что можно так любить и грустить!

Валерий Брюсов — Конь блед

- 1
- Улица была — как буря. Толпы проходили,
- Словно их преследовал неотвратимый Рок.
- Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
- Был неисчерпаем яростный людской поток.
- Вывески, вертясь, сверкали переменным оком
- С неба, с страшной высоты тридцатых этажей;
- В гордый гимн сливались с рокотом колес и скоком
- Выкрики газетчиков и щелканье бичей.
- Лили свет безжалостный прикованные луны,
- Луны, сотворенные владыками естеств.
- В этом свете, в этом гуле — души были юны,
- Души опьяневших, пьяных городом существ.

• 2

- И внезапно — в эту бурю, в этот адский шепот,
- В этот воплотившийся в земные формы бред,-
- Ворвался, вонзился чуждый, несозвучный топот,
- Заглушая гулы, говор, грохоты карет.
- Показался с поворота всадник огнеликий,
- Конь летел стремительно и стал с огнем в глазах.
- В воздухе еще дрожали — отголоски, крики,
- Но мгновенье было — трепет, взоры были — страх!
- Был у всадника в руках развитый длинный свиток,
- Огненные буквы возвещали имя: Смерть...
- Полосами яркими, как пряжей пышных ниток,
- В высоте над улицей вдруг разгорелась твердь.

• 3

- И в великом ужасе, скрывая лица, - люди
То бессмысленно взывали: «Горе! с нами бог!»,
То, упав на мостовую, бились в общей груди...
Звери морды прятали, в смятенье, между ног.
Только женщина, пришедшая сюда для сбыта
Красоты своей, - в восторге бросилась к коню,
Плача целовала лошадиные копыта,
Руки простирала к огневеющему дню.
Да еще безумный, убежавший из больницы,
Выскочил, растерзанный, пронзительно крича:
«Люди! Вы ль не узнаете божией десницы!
Сгибнет четверть вас — от мора, глада и меча!»

Но восторг и ужас длились — краткое мгновение.
Через миг в толпе смятенной не стоял никто:
Набежало с улиц смежных новое движенье,
Было все обычном светом ярко залито.
И никто не мог ответить, в буре многошумной,
Было ль то виденье свыше или сон пустой.
Только женщина из зал веселья да безумный
Всё стремили руки за исчезнувшей мечтой.
Но и их решительно людские волны смыли,
Как слова ненужные из позабытых строк.
Мчались омнибусы, кебы и автомобили,
Был неисчерпаем яростный людской поток.